

18+

ОТНЫНЕ
ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ
ПОТЕРЯННЫМ
МАЛЬЧИШКАМ

ИХ ТЕМНАЯ ДАРЛИНГ

НИККИ СЕНТ КРОУ

Никки Сент Кроу

Их темная Дарлинг

Серия «Лучшие мировые ретеллинги. Хиты Никки Сент Кроу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70281301

Их темная Дарлинг / Никки Сент Кроу: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-198693-3

Аннотация

Тёмный наконец-то принял меня... Но изменилось не только это.

На землю Неверленда ступил Крокодил, а с ним – члены королевской семьи Даркленда. И они желают заполучить Тень Смерти Вейна любой ценой.

Потерянным Мальчишкам не привыкать к войне. Они готовы на всё, чтобы меня защитить. Но что, если помощь нужна не мне?

Власть на острове меняется, чужаки заявляют права на тени, а мы с Пэном, близнецами и Вейном должны отпустить наше прошлое... Чтобы стать теми, кем нам суждено быть.

Продолжение нашумевшей серии «Порочные Потерянные Мальчишки».

Страстный, тёмный, взрослый ретеллинг культовой истории о Питере Пэне, полный жарких сцен и неожиданных сюжетных поворотов.

Высочайшие рейтинги на Amazon: неизменный бестселлер вот уже больше года!

Внутренние иллюстрации популярного художника ALES (больше 50 000 подписчиков в ВК).

Целая россыпь харизматичных мужчин, невероятные эмоции, поцелуи, ссоры и чувственность в каждом прикосновении.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	21
Глава 2	29
Глава 3	37
Глава 4	44
Глава 5	61
Глава 6	65
Глава 7	70
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Никки Сент Кроу

Их темная Дарлинг

Nikki St. Crowe

Their vicious Darling

Copyright © 2022 Nikki St. Crowe

© Дарс М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство „Эксмо“», 2024

Посвящается всем девушкам, которые когда-либо боялись принять свою тёмную сторону.

Венди, от одной девочки больше пользы, чем от двадцати мальчишек.

*Дж. М. Барри
в переводе Н. Демуровой*

Пролог

Крокодил (Рок)

Путешествовать я предпочитаю с королевской семьёй – в целом, с любой.

Потому что королевские семьи всегда путешествуют в роскоши.

Члены королевской семьи Даркленда не исключение. Это один из самых богатых родов на Семи островах, денег они не жалеют. Но сами по себе попутчики из них дерьмовые. Хотя я всегда могу их трахнуть – тогда всё сразу налаживается.

Амара Ремальди, Её Королевское Высочество герцогиня Гордалл, младшая принцесса семьи Ремальди, находит меня в столовой по левому борту.

– Вот ты где! – радуется она, приближаясь.

Я вскрываю скорлупку арахиса, закидываю орех в рот, а очистки бросаю в ближайшую пепельницу.

Очевидно, Амара в восторге, что отыскала меня. Это слышно в её приподнятом мелодичном голосе.

Полагаю, такое настроение отчасти объясняется тем, насколько глубоко я засадил ей прошлой ночью. Придя ко мне тогда, она дрожала как осиновый лист.

Может, Амара и принцесса, но ей нравится, когда над ней доминируют, а мне – слушать лепет и мольбы королевских

особ.

От этого чувствуешь себя моложе.

Я раскалываю ещё скорлупку и острыми зубами разгрызаю арахис. Амара вздрагивает.

– Что такое? – уточняю я.

– Жизель и Хольт интересуются, присоединишься ли ты к нам за ужином. – Она останавливается в нескольких футах от меня, сцепив руки за спиной. Одета она в чёрный – цвет Ремальди, на груди бархатной туники золотом вышит гербовый лев на задних лапах. По характеру Амара скорее воин, чем принцесса, она всегда предпочтёт дипломатии путь насилия, хотя никогда в жизни не видела настоящего поля боя.

На бедре у неё висит длинный меч. Рукоять инкрустирована рубинами-кабошонами, так что вряд ли его можно применить по назначению. Оружие для галочки, кричащая демонстрация богатства. Этот предмет словно говорит за своего владельца: «Я так богат, что даже меч, которым я не пользуюсь, сверкает и переливается».

– Твоя сестра просто хочет, чтобы я нагнул её, оттаскал за волосы и заставил почувствовать себя грязной шлюшкой.

Я временно оставляю арахис и, закутив, с комфортом раскидываю руки по спинке богато украшенного диванчика, привинченного к полу. Обеденный зал по левому борту предназначен для особых случаев – но я считаю себя особенным каждый день.

– Так ты собираешься? – переспрашивает Амара.

– Оттаскать твою сестру за волосы?

Она цокает языком. Ревнует меня ко всем, кого я трахаю при дворе.

– Нет. Прийти на ужин.

Я со вздохом откидываю голову на спинку диванчика.

– Не испытываю большого желания.

– Рок, – на «р» она почти мурлычет.

– Да?

Амара подходит вплотную и забирается ко мне на колени, седлая меня. Я чувствую, как жарко у неё между ног. Она устраивается у меня на бёдрах, кожа её новеньких сапог поскрипывает.

– Приходи на ужин, пожалуйста.

Ах, миленькая принцесса настойчиво просит.

Мало что может быть приятнее такой просьбы.

У Амары светлые волосы, как у всех членов её семьи, но кудрявые. Тем не менее она их выпрямляет и большую часть времени носит заколотыми на затылке, чтобы не допустить слухов о своём происхождении.

Ни у кого из Ремальди нет кудрявых волос.

Только у капитана гвардии её отца.

И, естественно, ходили слухи о романе капитана с правящей королевой.

Я снова затягиваюсь сигаретой. Амара незамедлительно переводит взгляд на мой рот, пристально следит за тем, как я обхватываю губами папиросную бумагу, а в следующее

мгновение выпускаю облако дыма и быстро втягиваю обратно.

У Амары невольно вырывается лёгкий вздох, и она подаётся ко мне, потираясь промежностью о мою ширинку.

Но я не в настроении.

Неверленд всё ближе, а час моей жажды и вовсе почти наступил.

– Приходи на ужин – и не пожалеешь, что напрасно потратил время. – Она опускает руку вниз, трогая меня.

Амара, очевидно, последняя в очереди на трон, хотя мне уже доводилось удивляться неожиданным наследникам. В конце концов, некогда я думал, что сейчас моей родиной будет править какой-нибудь лорнский принц – а потом мой маленький братишка выпотрошил всю тогдашнюю королевскую семью голыми руками. Вот это был сюрприз.

Но хотя при настоящем раскладе Амаре и не видать власти, по распущенности она способна дать фору кому угодно.

До всей нынешней чепухи мы проводили большую часть ночей в дарклендском квартале красных фонарей, трахаясь и накуриваясь до потери пульса.

– Подозреваю, что с тобой я не пожалею о потраченном времени вне зависимости от ужина, – откликаюсь я, делая ещё одну глубокую затяжку.

Бледные щёки Амары розовеют. Я слишком стар для неё, хотя мы выглядим ровесниками – оба плюс-минус лет на двадцать шесть.

Пожалуй, я слишком стар для половины людей, которых трахаю. Побочный эффект бессмертия.

– Сестра хочет убедиться, что ты по-прежнему верен нам, – продолжает Амара, – и не проявишь слабость в деле, которое касается твоего брата.

Я вздыхаю.

– Мы с Вейном не разговаривали и не виделись годами. Здесь неоткуда взяться слабости.

Если бы Амара умела читать эмоции людей сквозь собственную похоть, она бы понимала, что я лгу.

Да, я злюсь на брата. Он выбрал Питера Пэна, а не меня. Но предам ли я его ради королевской семьи? Нет. Никогда в жизни.

Так что мне приходится соблюдать крайнюю осторожность, а виновата в этом королева фейри.

Ведь это она, призывая меня в Неверленд обещаниями раскрыть секреты Питера Пэна, отправила письмо во дворец, хотя прекрасно знала, что королевская семья перехватит послание и вмешается в дело. Они искали любую возможность отобрать Тень Смерти Даркленда у моего брата, только слишком его боялись, чтобы встретиться с ним в прямом столкновении.

Зато теперь они надеются, что его ужасный старший брат сделает за них всю грязную работу.

Но это, я полагаю, будет зависеть от того, какими секретами меня дразнит королева фейри.

Если они бесполезны, я найду, чем ещё себя занять.

Если же эти секреты имеют какую-то ценность...

Предполагаю, Вейну будет трудно решить, на чью сторону он встанет – мою или Питера Пэна. Но если у него возникнут такие трудности, я всё решу за него.

Я не ненавижу Пэна. Но и особой симпатии не испытываю.

Мы хорошо провели время в тот раз, когда отрезали Крюку руку в наказание за то, что он сделал.

Но давние хорошие времена куда менее весомы, чем подчинение и преданность.

Я никогда не мог контролировать Питера Пэна, ни напрямую, ни незаметно. И мне уж точно не приходится рассчитывать на его лояльность.

Что автоматически заставляет меня его недолюбливать.

– Приходи на ужин, – повторяет Амара, на этот раз почти умоляюще.

От этой занозы мне не избавиться, особенно учитывая, что я застрял с ней на одном грёбаном корабле.

– Хорошо.

Она обнажает в довольной улыбке блестящие зубы.

Я со стоном вытаскиваю карманные часы, проверяя время. Предупреждаю:

– Мне придётся уйти пораньше. Никаких возражений.

– О, эти твои часы... – Амара наклоняется, снова прижимается ко мне и тянется к моим губам своими, влажными и

пухлыми.

Ладно, может, я и в настроении.

Свободной рукой я сгребаю её за задницу.

Амара углубляет поцелуй, скользя языком вперёд, к моему.

У меня встаёт. Амара покачивает бёдрами, притираясь ко мне вплотную своей жаркой промежностью.

Сука.

И вдруг она исчезает.

Резко распахнув отяжелевшие веки, я вижу её в нескольких шагах: она смотрит на меня, забавляясь.

– На данный момент это всё. – И вытирает рот тыльной стороной ладони. – Приходи ужинать. Тогда получишь остальное.

– Ты поехавшая мелкая стерва, – фыркаю я, приканчивая сигарету. Борюсь с желанием поправить член в штанах – теперь ткань давит на стояк.

– Восемь часов, – напоминает Амара, разворачиваясь уходить. – Не опаздывай. Сестра ненавидит опоздания.

Это наша с ней общая черта – мы ревностно относимся к каждой минуте.

* * *

Среди Семи островов Даркленд – один из самых богатых, но там обожают сделки и в другой валюте – в сплетнях.

При дворе давно ходят слухи, что Жизель и Хольт – старшие брат и сестра Ремальди – постоянно пытаются то ли трахнуть друг друга, то ли убить.

По-моему, правдивы обе версии.

В столовой по правому борту я вижу во главе стола Жизель с бокалом бренди в руке. На ней золотое платье, расширенное мерцающими на свету кристаллами. Гигантские бриллианты Саммерленда висят в ушах, самоцветы ещё большего размера оплетают шею.

Жизель из тех женщин, которых делает красавицами богатство. Родись она в Сумрачных землях, среди дыма и пепла заводов, наверняка её нос казался бы слишком большим для лица, а глаза – чересчур близко посаженными.

– Рок, – она приветственно улыбается.

Как почтительнейший из мудаков, в качестве приветствия я целую её обнажённые костяшки пальцев, и она краснеет от знака внимания.

Две ночи назад я выстрелил ей в лицо потоком спермы.

Тогда она не покраснела.

– Ваше Величество, – откликаюсь я. – Вы сегодня восхитительно выглядите.

– Как и ты. Я вижу, ты носишь подарок, который я тебе купила.

Подарок – костюм-тройка, сшитый специально для меня. Ткань того же тёмного оттенка, что и бархат Ремальди, но это ангорская шерсть. Этот наряд скрывает бо#льшую часть

моих татуировок, за исключением крокодильей пасти с острыми зубами, наполовину обхватывающей горло, и линий на руках.

– Смотрится божественно, – одобрительно отмечает Жизель.

– Всё благодаря вам.

Она протестующе качает головой. Велит мне:

– Садись, – указав на стул слева от себя. Обычно там сидит Хольт. О, значит, сегодня вечером мы выбираем путь насилия.

Я сажусь.

Жизель щёлкает пальцами, и слуга приносит мне бокал Саммерлендского виски. Это одна из самых сладких композиций с карамельно-пряным вкусом.

– Пока ещё рано говорить о делах? – спрашивает Жизель.

– У вас есть такое желание?

Из её горла вырывается невесёлый смешок.

– На карту поставлено будущее моего острова. Но ты это знаешь.

– Конечно.

Входят остальные члены семьи. Хольт резко останавливается, увидев меня на своём обычном месте, напряжённо играет желваками. Я невинно улыбаюсь ему.

Хольта я не трахаю. Он ненавидит меня до мозга костей.

Иногда я фантазирую о том, как славно было бы оставить в нём поменьше этих самых костей.

Жизель удерживает его взгляд на секунду дольше, а затем он усаживается справа от неё.

Хольт всего на год моложе сестры, но мнит себя главным, потому что он мужчина.

Очевидно, он вообще не представляет, насколько могут быть могущественны женщины.

Амара занимает место рядом со мной и наклоняется ближе, шепча:

– Ты в этом костюме выглядишь чертовски сексуально.

– Я знаю.

На противоположной стороне стола пересмеиваются младшие кузены. Там Джулия, чьи родители мертвы. И Матье – у него они живы.

Джулия в будущем должна выйти замуж за одного из ви-контов Даркланда. На самом деле эта девочка мне нравится. Мы играем в шахматы под настроение. Она играет отвратительно, но я позволяю ей выигрывать.

Слуги выносят закуски: тосты с сыром и нарезанные пластинками жареные овощи, сбрызнутые бальзамическим уксусом.

– Ты уже определился, как свяжешься со своим братом? – спрашивает Жизель, разрезая тост ножом. Хлеб под нажимом хрустит и трескается.

– Будет лучше, если сначала я пойду к нему один. – Я допиваю виски и жестом требую повторить.

– Думаешь, мы позволим тебе блуждать по Неверленду

без нас? – недовольно вклинивается Хольт. – Чтобы ты предупредил Вейна? Или Питера Пэна? Ни в коем случае.

– Да хватит уже, Хольт. – Амара взмахивает столовым серебром в широком жесте. – Рок пробыл с нами дольше, чем со своим братом. Никакой преданности Вейну в нём не осталось.

Жизель наблюдает за мной.

Я осушаю второй бокал виски, принесённый слугой.

Если кто и сможет распознать мою ложь, думаю, это будет именно она.

– Для крови время ничего не значит, – заявляет Хольт.

– Время решает всё, Хольт, – возражаю я.

К вопросу об этом...

Я смотрю на карманные часы.

У меня осталось примерно час двадцать.

А сейчас только первая перемена блюд. Чёрт.

– После того как мы посетим королеву фейри, чтобы узнать, с чем имеем дело, я предлагаю вам всем остаться в Дарлингтоне, – говорю я остальным. – Не носите королевские гербы. Оставайтесь незаметными. Не выставляйте напоказ богатство. И ради бога, не провоцируйте Питера Пэна или Потерянных Мальчишек. Когда будет нужно, я позову вас.

– Как насчёт того, чтобы привести Вейна к нам? – Хольт перебирает в пальцах цепь с гигантским камнем, висящую у него на шее. Это единственный магический артефакт, остав-

шийся в семье Ремальди, – одновременно и последний рубеж обороны Хольта, и его последняя надежда.

Тень Жизни Даркленда была утеряна много веков назад, а с тех пор, как и вторая тень покинула пределы острова, магия неуклонно ослабевает.

Ремальди постепенно приходят в отчаяние.

Но, *конечно же*, магический камень обязательно сработает против моего злобного младшего брата, владеющего одной из самых могущественных сущностей на Семи островах. Не сомневаюсь, что всё сложится просто *расчудесно*.

– Я посмотрю, что получится сделать, – говорю я Хольту, хотя, разумеется, не собираюсь выполнять обещанное.

Подают первое блюдо. Это густой красный суп.

Теперь во мне просыпается голод совершенно иного свойства.

К третьей перемене блюд я буквально слышу, как невидимые часы у меня в голове отмеряют секунды.

Мне нужно убираться отсюда.

Я снова смотрю на циферблат.

– Спешишь куда-то? – спрашивает Жизель.

– Вы же знаете, я привык каждый день медитировать в определённое время.

– «Медитировать», – фыркает Хольт, разрезая стейк.

Почти все в Даркленде знают меня как Крокодила, Пожирателя Людей.

Но они понятия не имеют, откуда взялось это прозвище.

Они не представляют, что происходит, когда истекает последняя секунда.

– Ешь, – приказывает Хольт. – Ты же не хочешь, чтобы вся эта еда пропала даром, правда, Крокодил?

– Конечно же нет. – Я натянуто улыбаюсь ему.

Стоит всем сотрапезникам в очередной раз опустошить тарелки, приносят десерт.

– Сегодня я пропущу последнее блюдо, – сообщаю я остальным, отодвигая стул.

– О, тебе настолько надо идти, – дуется Жизель.

– Да, настолько.

– Я думаю, ты мог бы остаться, – говорит Хольт.

Технически любой, кто служит королевской семье, обязан выполнить прямой приказ.

Но Хольт не глуп. Это было скорее предложение, чем приказ: способ проверить меня, не рискуя собственными конечностями.

– Мне действительно пора, – с мнимым сожалением отказываюсь я. – Но я, как всегда, высоко ценю ваше гостеприимство.

По коже бегут мурашки, я склоняюсь перед Жизель и снова целую тыльную сторону её руки.

– Спокойной ночи, Ваше Величество.

– Спокойной ночи, Крокодил.

У неё то самое особенное выражение лица – обещание, что я увижу её позже.

Но не сегодня ночью. Если это будет зависеть от меня.

Я иду к двери.

– Подожди.

У меня скручивает желудок, и последние грёбаные силы уходят на то, чтобы оставаться в рассудке.

Я поворачиваюсь к оставшимся в столовой.

Хольт сообщает:

– Мы скоро причалим к острову. Я ожидаю, что ты будешь готов сойти на берег.

– Конечно, Ваше Высочество.

Мне нужно срочно убираться отсюда, иначе я сожру Хольта на ужин.

– Ты свободен, – говорит он, и я кланяюсь всем в комнате и толкаю распашную дверь.

Не убирая часы, я несусь по коридору, затем слетаю по лестничным перилам на нижние палубы.

Нахожу там какую-то служанку, хватаю за руку. Говорю:

– Пойдём со мной.

Она пытается протестовать, но со мной такие попытки не срабатывают.

Часы в голове тикают всё громче.

На загровке проступает пот.

Слишком мало времени.

Чёрт, слишком мало.

Я затаскиваю девушку в свою каюту, захлопываю за нами дверь и запираю на замок.

– Мой господин, – ахает служанка, заламывая руки.

Все они наслышаны о моей репутации. Но сейчас я не хочу трахаться.

Я хочу есть.

– Извини, малютка, – бросаю я. Пробивший час грохочет в черепе за глазами, и я вижу в зеркале над столом отражение своих светящихся радужек.

Девушка задыхается, у неё прыгают губы.

– Это будет быстро.

А потом я обхватываю рукой её затылок и притягиваю её к себе.

Глава 1

Питер Пэн

Сколько времени осталось до восхода солнца?

Эта мысль внезапно приходит мне в голову, пока мы, залитые кровью, пропитанные победой и окутанные тьмой, возвращаемся по дороге к домику на дереве.

Это давняя мысль, но всякий раз от неё вверх по позвоночнику ползёт волна паники, заполняя грудную клетку.

Потому что, если я попаду под солнечные лучи, я превращусь в пепел.

Лишь спустя несколько секунд я понимаю, что мне больше не нужно об этом беспокоиться. У меня есть моя тень. Неверленд снова мой, а я – его.

Близнецы несутся вперёд, но Вейн держится рядом со мной. Я чувствую, как в воздухе между нами висят его невысказанные вопросы.

– Ну что? – спрашиваю я, при этом не отрывая взгляда от близнецов. Они дурачатся друг с другом, несмотря на то, что мы возвращаемся с битвы с их сестрой, королевой фейри, после того, как она чётко обозначила черту невозврата и они явно выбрали сторону – *мою*.

Нам придётся снова встретиться с королевой лицом к лицу, и если я добьюсь своего, то её свергнут, а близнецы ста-

нут править двором фейри, и всё будет так, как должно быть.

Это самый предпочтительный исход – я стану тем, кем был прежде, а в Неверленде будет мир.

Правда, есть ещё капитан Крюк – он по-прежнему джокер в этом раскладе, а я не люблю карточные игры.

В конце концов с ним придётся разобраться. И с Черри тоже.

Но я забегаю вперёд.

– Как самочувствие? – спрашивает Вейн.

Он больше не смотрит на меня, но я всё ещё чувствую тяжесть его пристального внимания.

– Я...

Как описать ощущение, когда снова становишься целым? Как выразить словами возвращение к жизни после того, как ты был мёртв – может быть, не буквально, но духовно, магически? Я столько времени был ходячим, говорящим трупом без души.

Что я чувствую?

Я думал, что, едва у меня вновь появится тень, я вернусь к той версии себя, какой был, когда потерял её. Сейчас я понимаю, что это невозможно.

Я изменился.

Питер Пэн, печально известный Король Неверленда, стал другим под влиянием девчонки Дарлинг, Тёмного и двух принцев фейри.

Что я чувствую?

Невозможно ответить на этот вопрос.

– Я в порядке, – говорю я Вейну, и он насмешливо фыркает, поэтому я исправляюсь: – С нетерпением жду возвращения к нашей девчонке Дарлинг. К восходу солнца она будет выкрикивать моё имя.

Перевожу взгляд на Вейна. Мне видно его лицо со стороны живого глаза, но понять, о чём он думает, я не могу.

Предлагаю ему:

– Может, тоже её трахнешь? Я бы посмотрел, как её личико сияет от удовольствия, когда ты в ней.

У меня встаёт от одной мысли. Не могу вспомнить, когда в последний раз трахался, будучи ещё с тенью. Сколько лет прошло с тех пор? Очень много. Так много, что я потерял счёт.

Но Вейн недовольно щурится с некоторой толикой дискомфорта:

– Мне по-прежнему приходится причинять ей боль, чтобы доставить удовольствие.

Близнецы вдалеке смеются, Баш ловит Каса в захват за шею и резко дёргает в сторону.

– Дарлинг отлично понимает, чего это стоит, – говорю я Вейну.

– Да, но чего это стоит мне? Об этом ты подумал?

– Нет, – сознаюсь я: нет смысла ему лгать. – Расскажи мне.

– Когда я вижу её кровь... это не тень... – Он осекается, бормочет себе под нос ругательство и лезет в карман за

портсигаром.

Под ногтями у Вейна запеклась кровь убитых пиратов, костяшки пальцев в крови, на лице видны тёмно-красные брызги. Мне больше всего нравится смотреть на него сразу после кровавой бойни: это зрелище напоминает мне, что я не одинок в своей жажде разрушения.

Я жду, пока он зажжёт сигарету и наполнит лёгкие дымом, потом подгоняю его:

– И что?

– Тени вообще-то плевать, истекают ли кровью девчонки Дарлинг, – говорит он. – Но вот тому, кто я есть помимо тени... не всё равно.

Мгновенно вспоминаю, как Крокодил лакал кровь Крюка после того, как мы отрезали ему руку.

Рок буквально упивался происходящим.

Я решил тогда, что это просто его странный сдвиг: никогда не сомневался, что этот ублюдок – сумасшедший. И Крюк тоже повредился в уме не в последнюю очередь из-за этой выходки.

На Семи островах столько магических существ, столько воплощённых мифов и легенд, что невозможно было угадать, кем именно может оказаться Вейн. Теперь я вынужден задаться вопросом, не семейная ли это черта.

Чудовищ на островах необычайно много, но куда меньше тех, кто жаждет крови.

Вейн делает длинную затяжку.

За тропой в предутренней тьме рыщут волки.

Когда дорога поворачивает на юг к домику на дереве, я щёлкаю пальцами Вейну, и он передаёт мне сигарету, чтобы я тоже затянулся. Дым не обжигает, как прежде, и я с удивлением обнаруживаю, что разочарован.

– И к чему ты это? – спрашиваю я его, выдохнув.

– Не знаю.

– Скорее знаешь, но не хочешь мне говорить.

Он вздыхает:

– Для Уинни я будто одновременно клинок и хищник с острыми зубами. Либо один порежет её, либо другой разорвёт, и я не знаю, что, чёрт возьми, с этим делать.

Странно слышать, как он называет её по имени. Это что-то очень личное. Мне приходится подавить в себе вспышку ревности к тому, насколько они близки. Я не сознавал этого раньше – но, естественно, это так. Это неизбежно. Я король. Меня всегда будут держать на расстоянии вытянутой руки. И близнецы никогда и никому не станут ближе, чем друг другу.

С самого начала было ясно, что для неё самым близким сделается Вейн.

Она принадлежит всем нам, но Вейну достанется та её часть, которую остальные никогда не увидят. Я должен смириться с этим. Я не против. Но также это значит, что мне нужно удерживать их вместе, потому что без одного я потеряю другую, а без обоих...

Волки всё ближе, я замечаю, как один из них мелькает в

подлеске слева от меня.

– Так ты хочешь сказать, что отказ от Тени Даркленда не решит твои проблемы? То есть на самом деле нам нужно найти для тебя Тень Невер...

– Ублюдок, – фыркает Вейн, но в его голосе различается нотка веселья. Он забирает сигарету обратно.

– Да слушай же, – настаиваю я, – я знаю, каково это, когда понимаешь, что у фальшивой монеты обе стороны одинаково хреновые. Если кто и понимает такое, так это я. Так что, мать твою, просто поговори со мной.

Но тут волосы у меня на руках встают дыбом: близнецы впереди замедляют шаг, а из леса выглядывает волк.

Я восстановил свою связь с Неверлендом, но прошло столько времени, что я разучился понимать язык этой земли. Я не узнаю его звуки: и острые грани слогов, и мягкость гласных – чужие. Всему этому нужно учиться заново.

Что это за зудящее неприятное чувство в затылке? Будто что-то не так?

Я искоса гляжу на Вейна.

Возможно, я слишком сильно на него надавил. Может быть, его тёмной тени не по вкусу такое близкое соседство с моей.

Мы никогда не находились бок о бок в таком раскладе: с двумя тенями разных земель.

Меня раздражает, что я не подумал об этом раньше.

И пугает, что это может оказаться проблемой.

– Ты тоже это чувствуешь? – спрашиваю я.

Он кивает мне, и его фиолетовый глаз становится чёрным.

Волк выбегает на середину тропы перед близнецами.

Мы с Вейном медленно продвигаемся вперёд, обходя принцев с флангов, чтобы выстроиться перед зверем единым внушительным фронтом.

– Это необычно, – замечает Кас, сохраняя тихий и ровный голос. Ветер меняется, и волосы лезут ему в лицо, но он не пытается их поправить.

Очень, очень много лет назад я с удовольствием побегал бы с волками наперегонки, но это старая, едва различимая память, тонкая струйка дыма без огня.

Я не видел волков так близко с тех пор, как потерял свою тень.

Баш свистит волку, насмешливо спрашивает:

– Что надо, парниш?

Волк опускает голову. Даже пригнувшись, он достаёт близнецам до пояса. Его шерсть похожа на тёмное сумеречное небо – преимущественно чёрная с вкраплениями белого и серого.

Он смотрит на нас яркими голубыми глазами.

– Что нам делать? – спрашивает Кас.

Волк стоит между нами и домиком на дереве.

Мне не терпится вернуться к моей Дарлинг.

Я делаю шаг вперёд.

Ощущение неправильности нарастает.

– Иди, – говорю я волку. – Возвращайся в лес.

Он выпрямляется и поднимает голову, скалится, обнажая блестящие острые зубы.

– Давай. Повторять я не буду.

Я делаю ещё шаг, и волк разворачивается и бежит.

Но не в лес.

Вместо этого он устремляется по дороге напрямиком к домику на дереве.

Глава 2

Питер Пэн

Я сразу чувствую, куда направляется волк.

Баш рядом со мной начинает:

– Может, нам стоит...

Но я не дослушиваю его – и точно ни хрена не собираюсь ждать.

Согнув колени, я отталкиваюсь от земли Неверленда с энергией реактивного самолёта из мира смертных. Я поднимаюсь в воздух менее чем за секунду и вскоре преодолеваю звуковой барьер.

Я разгоняюсь так, что кроны деревьев вокруг трещат и проминаются.

Нет времени наслаждаться пребыванием в воздухе.

Сердце панически колотится в ушах, а кровь с бешеной скоростью несётся по венам.

Волк уже около дома.

Я следую за ним по пятам.

Приземлившись у домика на дереве, я вижу раскуроченную в щепки входную дверь, и к горлу подступает желчь.

– Дарлинг!

Я толкаю то, что осталось от двери, и обломки ударяются о стену. Следы мокрых лап пересекают коридор и исчезают

на лестнице вверх.

– Дарлинг!

Несколько Потерянных Мальчишек нетвёрдой походкой выбредают из комнат, потирая глаза.

– Пэн, что случилось? – спрашивает один из них.

– Дарлинг! – повторяю я и снова взлетаю, чтобы не тратить время на лестнице.

Слышу с чердака визг, затем рычание, попугаи взмывают с Небывалого Дерева пёстрой волной.

Очувившись возле спальни Дарлинг, я чувствую мускусный запах волчьей шкуры. Изнутри доносится женский голос, дрожащий от страха. Я распахиваю дверь настежь и вижу забившуюся в угол Черри. А волк, стоя в изножье кровати Дарлинг, рычит на меня.

Дарлинг лежит на боку, укрытая тонкой простынёй, и крепко спит.

Я подхожу ближе. Волк издаёт предупреждающий рык.

Я не говорю на том же языке – пока, – но прекрасно знаю, что он может чувствовать намерения, особенно мои. Если дело дойдёт до выбора между жизнью волка или Дарлинг, я знаю, кого выберу.

И ему стоило бы это знать.

Предупреждение есть предупреждение.

– Вон, – приказываю я.

Однако он ещё раз рычит на меня, а затем, потоптавшись на кровати, сворачивается клубком рядом с Дарлинг. Но гла-

за у него открыты и смотрят на меня с вызовом, словно он проверяет, осмелюсь ли я подойти ближе.

Что, чёрт возьми, происходит?

– Черри! – зову я.

Она откликается сдавленным всхлипом, дрожа как осиновый лист.

– Черри, ты в порядке?

Судорожно хватая ртом воздух, она вытирает нос.

– Я в порядке. Всё нормально. Я...

Судя по её воспалённым глазам, она проплакала гораздо дольше, чем последние несколько минут.

Всё идёт не так.

Всё какое-то неправильное.

Но я не уверен, что моё чутьё не искажает перестройка тени.

– А с Дарлинг всё хорошо? – спрашиваю я.

Черри громко сглатывает и опирается на стену, пытаюсь встать.

– Она... я...

У меня за спиной Вейн врывается в комнату и бросается к кровати, но, услышав волчий рык, останавливается.

– Что за херня здесь творится? – возмущается он. – Почему этот волк в постели Уинни?

– Без понятия, – отвечаю я. – Я знаю не больше твоего.

Вейн смотрит на меня, как на конченого мудака.

– Хорошо, тогда почему она спит в своей постели? Я спе-

циально сказал ей спуститься в твою гробницу. Черри, какого хрена она спит в своей постели?

Глаза Черри снова наполняются слезами, и она мотает головой, её нижняя губа дрожит.

– Черри! – рявкает Вейн.

– Я не знаю! – вопит она, зажмурившись, и снова залива-
ется слезами.

– Эй, – говорю я Вейну. – Иди-ка выпей.

Он хмуро смотрит на меня, и его глаза снова чернеют.

– Что-то не так. – В его горле низко вибрирует голос тени,
и волк заинтересованно поднимает голову.

Я хватаю Вейна за плечо. Теперь наши силы равны, так
что меня не смущает, что мне может прилететь в ответ. И
какое же это облегчение.

– Иди выпей что-нибудь. Сейчас же.

Смерив меня напоследок ледяным взглядом блестящих
чёрных глаз, он стремительно выходит, расталкивая близне-
цов, топчущихся в дверях.

– Что ж, это неожиданно. – Баш огибает меня сбоку. Волк
укладывает голову на массивные передние лапы.

– Осторожнее, брат, – предостерегает Кас.

– Я знаю, что делаю, – возражает Баш.

– Это сейчас ты так говоришь, но надо ли тебе напо-
мнить...

– Не надо, – протестует Баш.

– ...про тот раз, когда ты пытался бороться с волком, а он

чуть тебе хлебало не отгрыз?

– Да всё в порядке, чувак.

Баш продолжает понемногу приближаться. Не могу определить, кто в этом случае заслуживает больше внимания

– Уинни или волк.

Как, чёрт возьми, она умудряется спать посреди всего этого бардака?

В шаге от кровати Баш протягивает руку, чтобы волк мог его понюхать.

– Видишь? – говорит он. – Я из хороших парней.

Кас фыркает.

Когда волк кажется удовлетворённым знакомством, Баш гладит его по голове, а затем чешет за ухом. Спрашивает примирительно:

– Ну всё, мы друзья? – и свободной рукой треплет волка по загривку.

Черри, видя, что мы отвлеклись, пытается ускользнуть из комнаты, но я хватаю её за запястье и рывком возвращаю на место.

Стискиваю её руку крепче, и она издаёт шумный выдох на грани стога.

– Почему Уинни у себя в постели, а не в моей гробнице? – спрашиваю я.

Она сглатывает. Облизывает губы, хлопает ресницами. У неё не получается отдышаться.

– Может быть, она сильно устала.

Я сужаю глаза, ощущая прилив какого-то давнего и знакомого чувства.

Это же ощущение понимания ворочается у меня в затылке.

Черри лжёт.

Но зачем ей лгать о таких вещах?

Я снова смотрю мимо близнецов на Дарлинг, её грудь вздымается и опускается от ровного дыхания.

Энергия в комнате каким-то образом изменилась, но я не могу понять, что послужило причиной: волк, моя тень или радостное возбуждение близнецов.

– Дарлинг в порядке? – спрашиваю я снова, стараясь говорить мягче. – Скажи мне, Черри.

Её плечи судорожно вздрагивают.

Мы с ней одновременно смотрим на её руки, и я замечаю, что они все в синяках и царапинах.

– А это у тебя откуда?

– Ко мне в комнату залетел попугай.

Очередная ложь.

– *Черри...*

– Пэн, – подаёт голос Баш.

– Что? – рявкаю я.

Повернувшись к нему, я вижу, что Дарлинг обнимает волка за шею. Она зарывается носом в густую шерсть и делает глубокий вдох.

– Я в порядке, – бормочет она, но её голос звучит рассе-

янно и сонно.

Моя паника постепенно ослабевает.

Я приказываю Черри:

– Оставайся в доме, пока я тебя не позову. Поняла?

– Конечно, – отвечает она и, когда я отпускаю её руку, тут же исчезает.

Близнецы отступают, освобождая мне место у кровати. Теперь волк, похоже, не против, чтобы я приблизился.

– Ты проснулась, Дарлинг? – спрашиваю я.

Она выглядит так же, как всегда: те же жёсткие тёмные волосы, те же пухлые алые губы, тот же веер тёмных ресниц на бледной коже.

Выглядит она так же, но ощущается по-другому, хотя из-за присутствия волка трудно определить почему.

Его энергия повсюду, воздух пронизан дикой животной силой.

– Дарлинг?

Она не отвечает, и я пытаюсь дозваться снова.

– Ммм?

– С тобой точно всё в порядке?

Она вдыхает запах волка, но, кажется, совершенно не осознаёт, к кому прижимается.

– Точно.

Я хочу разбудить её. Хочу обнять. Сказать ей, что вернул свою тень, и увидеть на её лице волнение и радость.

Но сейчас она так довольна и очень спокойна.

Пока что этого должно быть предостаточно.

– Найди меня, когда проснёшься, – прошу я.

– Хорошо.

Она снова погружается в сон.

Я смотрю на волка: он поворачивает ко мне голову, и его голубые глаза встречаются с моими.

– Она моя. Ты меня понял, волк? Моя.

Он издаёт низкое горловое ворчание, но звук затихает, и волк снова опускает голову.

За окнами комнаты Дарлинг небо становится бледно-голубым: восходит солнце.

– Оставайтесь с ней, – говорю я близнецам. – Если что-то изменится, позовите меня, и я приду.

Близнецы кивают, Баш усаживается в кресло с высокой спинкой, а Кас забирается на подоконник.

Удовлетворившись тем, что у Дарлинг, похоже, появился новый защитник и два принца феяри будут за ней присматривать, я покидаю её спальню и выхожу во влажный утренний воздух.

Глава 3

Кас

В нашем с братом детстве отец однажды поймал волчонка и подарил его нам на солнцестояние. Мы назвали питомца Бальдром в честь одного из богов фейри.

Волчонок рос свирепым зверем, бесчинствовал при каждом удобном случае и держал весь двор в страхе. В конце концов отец заставил нас отправить его в конюру на конюшне. Но с момента, как попал в дом, Бальдр спал с нами и поэтому, оставшись в полном одиночестве в конюшне, мог выть до поздней ночи.

– Кто-нибудь может заткнуть эту собаку? – злилась мать. – Я говорила вашему отцу, что это была ужасная идея – забирать дикого зверя домой.

Мать ненавидела всё, что не могла подчинить своей воле. Чтобы утихомирить Бальдра, мы с братом спали с ним в конюшне, устроившись на грязном полу среди сухой сладкой травы.

Мы не чувствовали большого неудобства. В конюшнях нас никто не беспокоил. Никто не следил за нами, не осуждал, не рассказывал, что мы делаем неправильно и чем, наоборот, нам следовало бы заняться вместо этого.

А потом однажды ночью мы проснулись и обнаружили,

что Бальдра нет рядом, а над нами стоит мать. Была середина ночи, поэтому нам удалось различить только её тёмный силуэт с сияющими золотыми крыльями за спиной.

– Довольно этих игр в грязи, – заявила она. – Вы принцы и должны вести себя соответствующе.

– Где наш волк? – спросил Баш.

– Он убежал, – ответила мать и направилась к открытым дверям конюшни. – К восходу солнца я жду вас одетыми в зале собраний.

Но мы с Башем, естественно, проигнорировали её приказ и отправились рыскать по лесу, громко выкликая Бальдра.

В итоге мы оказались на опушке леса, где начиналась песчаная отмель лагуны.

На берегу, глядя на водоворот света в воде, стоял Питер Пэн.

К тому моменту он уже потерял свою тень, но мать всё равно предупреждала нас о том, что он опасен.

На самом деле плохой идеей было даже находиться на территории Пэна, не говоря уже о том, чтобы пересекаться с ним.

– Можете выходить! – крикнул он, по-прежнему стоя к нам спиной. – Я слышу, как вы дышите.

Мы с Башем переглянулись. Посмеем ли мы?

Питер Пэн всегда восхищал нас. Он был старше, чем кто-либо помнил. Скорее миф или бог, чем человек. Даже отец боялся его, а обычно отец никого не боялся.

Баш первым вышел из тени деревьев.

– Мы ищем нашего волка, – сказал он. – Ты его не видел?

– Как дела у вашей матери? – вопросом на вопрос ответил

Пэн.

Я последовал за братом; между пальцами ног захлюпал влажный песок.

Нам говорили, что между Динь-Динь и Питером Пэном что-то произошло, но двор фейри всегда больше любил сплетни, чем факты. Мы не знали, в чём именно было дело. Мы лишь видели, что при упоминании Питера Пэна крылья матери загораются ярче, но губы при этом складываются в угрюмую гримасу.

Динь-Динь любила и ненавидела Питера Пэна. Теперь, выйдя замуж за короля фейри, она пыталась скрывать свою любовь.

Но её крылья не умели лгать.

– У матушки всё благополучно, – ответил я.

– Да? Она пытается во всём контролировать вашу жизнь так же, как и мою? – Он взглянул на нас через плечо.

Я думаю, он и так знал ответ, но, несмотря на наши прохладные отношения с матерью, мы не собирались говорить о ней дурно. Ба научила нас быть выше этого.

– Ваш волк мёртв, – сказал Пэн. – Я подозреваю, что Динь-Динь об этом кое-что известно. – С этими словами он развернулся и ушёл в лес.

Мы с братом переглянулись.

– И какого хрена он имел в виду? – спросил Баш.

– Чёрт, чтоб я знал.

Но тут из водоворота в лагуне вырвался новый столп света. И там, в сияющей воде, постепенно опускаясь на дно, виднелся наш мёртвый Бальдр.

* * *

Баш закуривает и после долгой затяжки передаёт сигарету мне. В домике на дереве тихо, но в ранний час другого и не ожидаешь.

– Теперь, раз Пэн вернул свою тень, – начинает Баш, – я думаю, мы сможем захватить двор фейри, если захотим. Тилли может сколько угодно вынашивать планы, как сместить Питера Пэна, но все они будут стоять ей армии.

Со столбика сигареты свисает кусочек пепла. Я переворачиваю её и дую на кончик – вспыхивает уголёк, пепел осыпается вниз.

– Я понимаю.

– Мы хотим его обратно? Двор фейри?

Я затягиваюсь сигаретой и задерживаю дым в лёгких.

– А ты? Хочешь?

Он упирается затылком в широкий подголовник кресла, изучая Дарлинг взглядом.

– Я очень долго этого хотел. – Он вздыхает и трёт глаза. – Но теперь я не уверен.

– Я никогда не жаждал власти, которую подразумевает монархия, но знаешь, чего мне не хватает? – Я возвращаю ему сигарету. – Ритуалов. Церемоний. Праздника солнцестояния. Запаха пиршеств и постоянного ритма музыки, наполняющей залы.

Он улыбается, кивает, и спустя мгновение комнату Дарлинг заполняет иллюзия – точная копия наших воспоминаний.

Это пиршественная зала во дворце: с потолка свисают железные светильники, ярко горящие благодаря магии фейри, пахнет жареным мясом и сладкими пирогами, картофелем с травами и медовым печеньем.

Смотреть на это почти больно, но воспоминания поневоле захватывают.

В бытность мою наследным принцем я ненавидел придворную жизнь фейри до мелочей – потому что жил ею.

Такое отношение больше присуще смертным: принимать вещи как должное, а потом тосковать о потерянном, но я разделяю его как никогда.

В Неверленде всё навсегда – но как же легко всё это потерять.

Мне столько лет, что я сбился со счёта.

Питер Пэн так давно родился, что никто не помнит его появления на свет.

И всё же мы до сих пор ищем нечто постоянное, основательное, твёрдую опору под ногами. Что-то, что мы сможем

назвать своим.

Чему мы сможем принадлежать.

На ум приходит слово «любовь».

Возможность любить и быть любимым.

Держаться за что-то не от страха, а потому, что это делает тебя счастливым.

Баш выдыхает дым и тушит сигарету в ближайшем глиняном горшке.

– Знаешь, кого мне напоминает этот волк? – Брат кивает в сторону горы чёрного меха, свернувшейся рядом с Дарлинг.

– Бальдра, – легко произношу я.

Волк, наострив уши, открывает глаза и смотрит прямо на нас.

Мы с Башем переглядываемся.

– Бальдр? – повторяет Баш, и волк поднимает голову. Брат мгновенно оказывается на ногах, подскакивает к краю кровати. – Это ты, мальчик?

Волк издаёт глухое ворчание и громко стучит хвостом по матрасу.

– Как это возможно? – Баш чешет в затылке. – Бальдр умер... уже давным-давно.

Я будто слышу в голове далёкий голос Ба и вслух повторяю её слова брату:

– «Лагуна даёт и отнимает».

Он хмурится.

– Отец тоже это знал. Именно поэтому в первую очередь

он решил пойти в воду.

– Значит, лагуна возвращает нам Бальдра спустя долгие годы после того, как Динь убила его? Зачем?

Я качаю головой.

– Не думаю, что он здесь ради нас. Помнишь, что Ба говорила о волках?

– «Символы защиты и силы».

– Это имеет смысл. Конечно, Дарлинг следует оградить от нас. Мы относимся к ней как к своей шлюхе, и остров говорит нам перестать быть мудаками, иначе волк пооткусывает нам члены.

– Не будь идиотом. Дарлинг нравится, когда с ней обращаются как со шлюхой. И остров не должен её этого лишать.

Он прав. По какой-то причине Дарлинг правда нравится именно это, и кто мы такие, чтобы ей отказывать?

Но в выражении лица Баша я улавливаю отголосок моих собственных мыслей.

– А знаешь, кто ещё закончился в лагуне?.. – хрипло произносит он.

– Не смей туда ходить, – немедленно отказываюсь я. – Я даже думать об этом не хочу.

По спине у меня ползёт мерзкий холодок.

Но в этот момент Дарлинг потягивается под простынёй и зевает. А потом открывает глаза и видит рядом с собой волка. И издаёт испуганный визг.

Глава 4

Уинни

Возле меня на кровати лежит огромный волк. От него пышет жаром. Он поворачивает голову, глядя на меня ярко-голубыми глазами.

Кас и Баш моментально оказываются рядом со мной.

– Всё в порядке, – мягко говорит Кас. – Очевидно, ты ему нравишься. Он утром пришёл прямо к тебе в постель и больше не отходил от тебя.

Я немедленно чувствую связь с волком – и, клянусь, он говорит мне: «Всё будет хорошо».

Я протираю заспанные глаза и пытаюсь вытряхнуть туман из головы.

Я всё ещё сплю?

На самом деле...

– Вы двое принесли меня в постель? – спрашиваю я близнецов. Они качают головами.

– Ты не помнишь? – уточняет Баш.

– Не совсем. Я помню пиратов, Вейна и Черри, а потом...

Почему я не могу вспомнить, что было после этого? Я и раньше напивалась до потери сознания, но почти уверена, что не пила после стычки с пиратами.

Черри попросила меня помочь ей – и после этого всё сли-

вається в мутное пятно.

– Так, постойте, – зато мне в голову приходит другая важная мысль, – Пэн заполучил обратно свою тень?

Близнецы ухмыляются.

– Да, – я выдыхаю с облегчением. – Слава Богу. Где он? – откидываю простыню и спускаю босые ноги на пол.

– Подозреваю, что он вышел встретить рассвет, – предполагает Кас.

– А Вейн? – спрашиваю я.

Баш закатывает глаза, ковыряя сорванный ноготь.

– Где-то мрачно бродит в раздумьях, как всегда. Как будто он, ну, умеет думать.

Он говорит это пренебрежительно, но я отчетливо чувствую, что он умалчивает о чём-то важном.

Я двигаюсь к нему, или нет... это что-то другое, точно. Я как будто тянусь к нему изнутри. Я чувствую, что мне нужно... его успокоить?

Я чувствую его.

Это странно.

Слышу отдалённый гул энергии – похожий на тот, который я ощущала, когда мы с мамой жили под главной линией электропередач в Висконсине.

Лицо Баша всё ещё испачкано кровью – красной и другой, блестящей, как рыба чешуя. Я вспоминаю, что сестра близнецов использовала нас троих в качестве заложников.

Я живо ощущаю их боль, но они не говорят об этом, и,

наверное, не очень нормально такое ощущать, нет? Или это какая-то новая грань наших отношений? Что-то вроде эмпатической силы, пробудившейся, когда к Королю Неверленда вернулась его тень?

Я не знаю, каким станет Неверленд теперь, снова сделавшись одним целым со своим Королём.

Я поднимаюсь на цыпочки и обвиваю руками шею Баша. Говорю ему:

– Мне жаль, что твоя сестра так с тобой поступила.

На секунду он напрягается, но тут же расслабляется в моих объятиях и выдыхает, опустив плечи.

Следом я подхожу к Касу, обнимаю и его тоже. Он не уклоняется от нежности, и его пушистые волосы, спадая вниз, щекочут мне предплечья.

– Всё в порядке, Дарлинг, – говорит он. – Мы в порядке.

Я отстраняюсь, обхватываю ладонями его прекрасное лицо. Тёмные брови сходятся на переносице над яркими золотыми глазами.

– Я знаю, что с вами всё будет хорошо, но также отлично представляю, что такое предательство близкого человека.

Он кивает.

Я улавливаю крошечную перемену в их поведении. Их боль слегка отступает.

Нам предстоит много забот с близнецами и двором фейри, но сначала...

– Где Король Неверленда? Он сильно изменился из-за те-

ни? Я хочу посмотреть.

– Да строит из себя абсолютного властителя, как обычно, – ворчит Баш. – Я бы поискал на пляже.

Я направляюсь в коридор, но останавливаюсь в дверях спальни.

– Испечёшь нам блинчики, Баш? В честь праздника. – В животе у меня урчит при одном упоминании еды, я просто умираю с голоду, а что ещё лучше, мне правда хочется чего-нибудь вкусного. – Я схожу за Королём, а вы наберите пока морочных ягод. Хороший план, да?

Близнецы переглядываются, и я слышу отдалённый звон колокольчиков.

– Буду считать, что вы согласились, – заключаю я и выхожу из комнаты. Я собиралась пойти к Пэну одна, но слышу у себя за спиной отдалённый стук волчьих когтей по доскам пола.

* * *

Чердак пуст, только в кроне Небывалого Дерева громко щебечут птицы.

Я здороваюсь с ними:

– Доброе утро! – И несколько попугаев взлетают с ветвей, трепеща крыльями, окружают меня пёстрыми вихрями перьев.

Волк догоняет меня.

У меня никогда не было домашних животных. Ну... ладно, не совсем. Много лет назад в одной из наших квартир жил бездомный кот. Я кормила его тунцом из консервной банки. Он задержался у нас на несколько месяцев до наступления зимы, но после этого я его не видела.

Но вот волка у меня точно никогда раньше не было.

– Почему ты ходишь за мной? – спрашиваю я, открывая двери на балкон.

Я не ожидаю, что волк ответит мне, но каким-то образом чувствую его отклик.

Защита.

Я останавливаюсь, глядя на него сверху вниз. Он вытягивает шею, чтобы встретиться со мной глазами.

– Ты только что говорил со мной?

Волк виляет длинным пушистым хвостом.

– Это моё самое странное утро в Неверленде, при том что однажды меня приковали к кровати.

Я спускаюсь по ступенькам, волк следует за мной – и не отстаёт, пока я иду через задний двор.

Мы останавливаемся в начале тропинки – я замечаю Питера Пэна. Он сидит на песчаном берегу океана, где восходящее солнце только начинает подсвечивать линию горизонта огненной полосой.

Я снова смотрю вниз на волка.

– Тебе пора.

«Нет», – отвечает он.

– Я разговариваю с волком, – бормочу я себе под нос. – Возможно, я уже умерла. – Затем добавляю громче: – Если ты здесь, чтобы защитить меня, то с Питером Пэном мне так же безопасно, как и с тобой.

Волк моргает, неотрывно глядя на меня.

– Иди, – повторяю я. – Мне нужно побыть с ним наедине.

И мы оба снова переводим взгляды на Пэна, на его силуэт спиной к нам на фоне сияющего океана.

«Хорошо».

Волк рысцой убегает в подлесок, а я спускаюсь на берег.

* * *

Подойдя, я встаю между Пэном и плещущимися волнами и вижу, что он сидит с закрытыми глазами, обхватив колени.

– Садись, – приказывает он мне.

В груди у меня вспыхивает слабый проблеск чувства, у которого нет названия, хотя кажется, что должно быть.

Словно я очутилась в городе, где никогда не бывала раньше, но каким-то образом знаю, куда ведут все дороги.

– Он ждёт поблизости, – говорит Пэн, не открывая глаз. – Я чувствую его повсюду, даже на тебе.

Спустя секунду я понимаю, что он имеет в виду волка.

Среди папоротников и пальмовых ветвей на краю пляжа мелькает чёрный мех.

– Он сказал, что позволит нам уединиться.

Пэн смотрит на меня одним глазом.

– Ты теперь разговариваешь с волками, да?

Я пожимаю плечами:

– Похоже, что так.

– Сядь, Дарлинг.

Я усаживаюсь наземь, скрестив ноги. Пэн рядом со мной, тёплый, совсем как волк, и его окружает какая-то новая энергия – я буквально собственной кожей ощущаю её вибрации.

Всё гудит, и мне почему-то кажется, будто я оказалась не совсем на своём месте.

– Ты вернул свою тень, – озвучиваю я.

– Да.

– И что ты чувствуешь?

Он шумно выдыхает через нос и склоняет голову.

– Я думал, что почувствую облегчение. Отчасти это и правда так. Но... – И снова запрокидывается назад, щурясь на линию горизонта.

– Но что?

– Лишившись чего-то однажды, трудно преодолеть страх потерять это вновь.

Я в некотором роде понимаю его. Не так давно я боялась сойти с ума.

Но сила – это другое. И мне, конечно же, вспоминается наш разговор с Вейном о могучем дубе. Я убедила себя, что я дуб, стойкий и решительный, но теперь, познакомившись

с этими могущественными мужчинами, я понимаю, что едва ли могу понять концепцию силы.

Я скорее похожа на берёзу с выгнутым искривлённым стволом, которая всё равно пытается тянуться туда, где больше света. Хрупкое деревце: в каждую бурю ветви скрипят, а корни вцепляются в землю в отчаянной надежде, что этого хватит, чтобы удержаться в почве.

Я знаю ничтожно мало.

Я никогда не была сильной.

Я склоняюсь к Пэну, беру под руку, кладу голову ему на плечо и стараюсь говорить убедительно, будто хоть немного в этом всё разбираюсь:

– На этот раз всё будет по-другому.

– Ты так уверенно это заявляешь.

– Я правда в этом уверена. Динь-Динь больше нет.

Он цокает языком.

– Да, но скоро заявится Крокодил.

– Наверняка Вейн поможет нам разобраться со своим братом.

Пэн кивает.

Мы оборачиваемся к океану, глядя на светлеющее утреннее небо над ним. Лёгкие тонкие облака вспыхивают оттенками розового, бледно-лилового, жёлтого и оранжевого. Мимо пролетает стая чаек.

Где-то рядом я слышу тиканье.

– Что это за звук?

Пэн недоумённо хмурится:

– Ты о чём?

– Будто часы.

Он бросает на меня подозрительный взгляд, затем отклоняется назад, роется в кармане и достаёт карманные часы без цепочки.

– А, это?

Тиканье, не скрытое тканью, становится громче. Я забываю у него часы, верчу в руках. Вижу филигранную гравировку на крышке и какую-то надпись на корпусе.

Читаю её:

– Общество Костей?

Пэн тоже смотрит на эмблему.

– Да. Они якобы изобретатели времени. Это единственные производители часов на Семи островах.

– Интересно.

– Да не то чтобы.

– Что угодно с названием «Общество Костей» – это интересно! А почему они так называются?

– Не знаю и знать не хочу. Время для меня ничего не значит.

Я нажимаю на верхнюю кнопку, и крышка со щелчком отскакивает, открывая циферблат.

Стрелки показывают 7:02.

– Время правильное?

– Понятия не имею.

– Тогда как ты...

– Тшш, Дарлинг, – шикает он, отнимает у меня часы и защёлкивает. – Смотри.

Первые лучи солнца появляются над горизонтом, и Питер Пэн выдыхает.

Я видела сотни рассветов. Они всегда поразительные, стоит отдать им должное, и каждый чем-то отличается от других.

Но сейчас рассвет меня не волнует.

Вместо того чтобы глядеть на солнце, я смотрю на Питера Пэна.

Когда он щурится, тонкие морщинки в уголках глаз прорезаются глубже. Он приоткрывает рот – губы влажнеют, – а потом легонько хмурит брови, набирает в лёгкие воздух и задерживает дыхание.

Его глаза блестят.

– Красиво, – шепчет он.

– Да, – соглашаюсь я.

Пэн смотрит мне в лицо, мгновенно переводя взгляд на рот.

– Я скучал по тебе, – признаётся он.

– Больше, чем по солнцу? – парирую я.

Он смеется, подносит мою руку к губам и нежным поцелуем касается тыльной стороны ладони.

– Я скучал по свету и теплу, но и то и другое меркнет в сравнении с тобой, Дарлинг.

– Ты вернул свою тень и сделался романтиком? – поддразниваю я, но от его ошутимо серьёзного тона у меня ёкает под ложечкой.

Невозможно укротить такого человека, как Питер Пэн, и всё же я чувствую, будто мне подарили его часть, которой нет ни у кого другого, и, возможно, это самое важное, чем мне когда-либо доводилось обладать, хотя на самом деле мне почти не с чем сравнивать.

– О да, романтиком, – фыркает он пренебрежительно. – При свете дня я буду обращаться с тобой как с королевой, но в темноте ты будешь моей шлюхой.

У меня вспыхивают щёки.

– Я была бы только рада.

– Правда?

– Да. Очень.

Взгляд Пэна становится жадным, а прикосновения – более требовательными, и я не могу не реагировать на него, потому что я всегда реагирую.

Прямо сейчас, видимо, вдвойне. Потому что я чувствую его растущее желание. Оно не просто вибрирует в воздухе, но каким-то образом проникает в мой живот, грудь и кисть.

– Я знаю, что ты наслаждаешься первым восходом солнца за целую вечность, но как бы ты отнёсся к тому, чтобы ненадолго вернуться во тьму? – спрашиваю я с намёком.

Ноздри Пэна раздуваются на вдохе, а затем он врезается в меня, накрывая мой рот поцелуем, поглощая, устремляясь

языком мне навстречу, проталкиваясь внутрь, чтобы попробовать меня на вкус.

– Даже без тени иметь тебя было божественным наслаждением, – говорит он мне в губы, а затем снова целует, покусывая нижнюю. – Но возможность отыметь тебя теперь, обретая тень, меня просто погубит.

Он толкает меня обратно на песок и накрывает моё тело своим. В одно мгновение у него встаёт, его твёрдый член упирается в меня, и я отмечаю своё огромное облегчение от того, что Пэн всё ещё хочет меня, хотя ему больше не нужна Дарлинг, чтобы спасти его.

Я срываю с Пэна футболку, а он с меня – платье. Мои руки нетерпеливо блуждают по его рельефным мышцам. Он словно сделан из камня, его кожа и так горячая, но теперь солнце согревает нас обоих.

– Я хочу трахнуть тебя, пока восходит солнце, – говорит Пэн.

– Тогда чего ты ждёшь? – спрашиваю я, едва дыша.

Он расстёгивает молнию на штанах, и я почти сразу же чувствую прикосновение горячей головки его члена к моему влагалищу.

Наш поцелуй углубляется, и Пэн входит в меня, и у меня что-то обрывается в животе.

Я задыхаюсь.

– О, ты уже вся мокрая для меня, Дарлинг, – говорит он, и это звучит практически восхищённо.

Он снова толкается внутрь, набирает темп, жёстко вбивая меня в песок, его член так глубоко во мне, а затем...

Внезапно Пэн останавливается и вынимает член. Мне мгновенно становится пусто и холодно.

– В чём дело? – спрашиваю я.

Он обхватывает меня обеими руками и вместе со мной поднимается в воздух.

– О господи! Пэн! – Я цепляюсь за его шею как можно крепче, и мы летим обратно в дом и на кухню.

Мы кометой врываемся в комнату сквозь дверной проём. Пэн впечатывает меня в ближайшую стену и приподнимает, закидывая мои ноги себе на бёдра. Он трахает меня у стены, сопровождая хриплым рыком каждый толчок. Затем вновь поднимает нас обоих, поворачивает в соседнее помещение, натывается на стол и опрокидывает вазу. С края столешницы льётся вода.

Рот Пэна снова находит мой, и наши языки скользят друг по другу – жар, голод и разрушение в одном бесконечно долгом выдохе.

Потом он врывается в низкий столик, и в последнюю секунду мы разворачиваемся так, что, приземлившись на пол, он оказывается на спине, а я – насаженной на его член.

А потом мы одновременно поднимаем глаза и видим в кожаном кресле Вейна с раскрытой книгой на коленях и стаканом какого-то тёмного алкоголя в руке.

Я шевелю бёдрами, пытаюсь приподняться с Пэна, но он

хватает меня за талию и удерживает на своём члене.

– Не-а, – предупреждает он.

Глаза Вейна внезапно чернеют.

– Получаешь удовольствие от жизни, Дарлинг? – спрашивает он саркастически.

– Я бы получила больше удовольствия, если бы ты присоединился.

Пэн приподнимает меня буквально на несколько дюймов, затем грубо насаживает обратно, отчего из моего горла произвольно вырывается писк.

Вейн выпрямляется.

– Почему ты не пошла в гробницу?

– Вейн, – хмыкает Пэн, головка его члена набухает глубоко во мне. – Я в нашей Дарлинг по самые яйца. Нам реально надо устраивать допрос прямо сейчас?

– Отвечай, Уинни Дарлинг, – требует Вейн.

– Не могу вспомнить, – признаюсь я.

Вейн встаёт, хватая меня за горло и отрывает от Пэна. Тот разочарованно рычит.

– Почему ты проигнорировала мой приказ? – Тень Вейна низко рокошет у него в глотке.

Я цепляюсь в его запястье, пытаюсь как-то ослабить хватку.

Я стою на цыпочках, совершенно голая. Не то чтобы у меня было много возможностей как-то на него повлиять. Когда тёмные глаза Вейна останавливаются на мне, я напрягаюсь,

готовясь к тревоге, ужасу, волне тошноты, поднимающейся изнутри.

Но ничего этого нет.

Вейн подозрительно щурится.

– У тебя идёт кровь? – спрашивает он, оглядывая меня с ног до головы.

– Нет.

– Тогда как ты выносишь влияние ужаса?

– Может быть, она научилась игнорировать эту твою херню, – предполагает Пэн позади меня.

– Никто не может *научиться* противостоять мне.

Пэн прижимается грудью к моей спине и медленно оттягивает меня от Вейна, заменяя его руку своей, его длинные пальцы наполовину обхватывают моё горло.

– Просто посмотри на неё, – говорит Пэн, другой рукой массируя мою грудь, теребя пальцами сосок.

Я шиплю и плотно сжимаю бёдра вместе, болезненное напряжение в клиторе смешивается с удовольствием.

– Посмотри на нашу шлюшку Дарлинг, голую и готовую на всё. – Он отпускает мою грудь и скользит рукой вниз по животу, к клитору, крепче сжимая моё горло, когда я вздрагиваю от его прикосновений. Когда его пальцы скользят по мокрым складкам, мы все слышим явственное доказательство моего возбуждения. – Эта мокрая киска просто умоляет, чтобы её трахнули.

Вейн, шумно дыша, подходит ближе. Глаза остаются чёр-

ными, но его тело теперь проявляет ко мне и другой интерес. Я вижу характерную выпуклость на его штанах.

– Засунь в неё член, – продолжает Пэн, ведя кончиком носа вверх по моей шее, так что его следующие слова ощущаются тёплым дыханием на чувствительном местечке возле уха. – И когда она выкрикнет твоё имя, я заткну ей рот собственным членом.

Внутри меня бурлит тёмное желание.

Набухший клитор изнывает без прикосновений, но Пэн накрывает мою промежность ладонью, прижимая меня к себе.

– Давай трахнем её, Вейн. Ты и я.

Боже, как я хочу этого.

Я хочу, чтобы их насилие и грех окружали меня со всех сторон.

От этой мысли у меня внутри всё сжимается, и я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы как можно плотнее притиснуться киской к руке Пэна.

– Гадкая девчонка Дарлинг, – шепчет он мне на ухо, и я напрочь теряю разум от его слов.

– Пожалуйста, Пэн, – выговариваю я, жмурясь от удовольствия.

– *Пожалуйста* что, Дарлинг?

– Я... я хочу...

Он глубоко входит в меня двумя пальцами, а большим в то же время дразнит мой клитор.

Я отвечаю длинным стоном, прижимаясь к нему.

Когда он подносит влажные пальцы к моим губам и грубо обмазывает их моими собственными соками, волосы Вейна белеют.

– Так что скажешь, Тёмный? – настаивает Пэн. – Давай поступим с нашей шлюхой так, как следует с ней поступать.

Вейн раздевается буквально за несколько секунд, а в следующее мгновение отрывает меня от Пэна.

Он разворачивает меня кругом, обвив рукой за талию, а затем усаживает нас вместе в кожаное кресло так, чтобы мы оба оказались перед Пэном.

На лице у того возникает выражение тёмного голода – и Вейн перебрасывает мои ноги через свои колени, широко раздвигая меня под взглядом Пэна, и засовывает в меня свой толстый член.

Глава 5

Питер Пэн

Наблюдать, как имеют Дарлинг, – моё новое любимое занятие.

Она широко раскрывает рот, когда член Вейна входит внутрь, заполняя её до конца так, что его яйца вплотную прижимаются к её киске.

Чёрт, она восхитительна.

Моя тень разрастается и пульсирует в груди, и я наполняюсь силой. Меня захлёстывает ощущение всемогущества: будто я могу взять всё, что захочу, и делать, что хочу, и ничто не может мне навредить.

Усевшись на диван, я беру в руку свой член, расслабляясь в собственном удовольствии и наблюдая, как они наслаждаются своим.

Они два самых важных для меня человека на этом острове, и мне нужно подтверждение того, что Вейн может быть с Дарлинг, что он справляется.

Мне необходимо чётко знать, что они оба могут оставаться в моей жизни без риска, что кто-то кого-то убьёт.

То, что Дарлинг смогла преодолеть ужас Тени Смерти, – хороший знак.

Лучший исход.

Дарлинг стонет, когда Вейн пронзает её киску, с силой всаживает в неё до самого основания свой член, влажно поблёскивающий от видимых признаков её удовольствия. Он стискивает её бёдра, глубоко впиваясь пальцами в плоть, насаживая её на себя.

Она полностью раскрыта для меня, чтобы мне было видно.

Вейн знает, что мне это нравится.

Дарлинг, подпрыгивая на его члене, могла бы соперничать по красоте с искусством эпохи Возрождения.

Хер пульсирует у меня в руке, в щели на головке блестит предэякулят.

Давление в мозгу нарастает, сводя меня с ума жадной освобождения.

– Ох, чёрт, Вейн!.. – вскрикивает Дарлинг необыкновенно тонким и высоким голосом.

Я пересекаю комнату. Вейн наматывает волосы Дарлинг на кулак и откидывает её голову назад.

– Возьми его, Уин. Пусть король кончит тебе в глотку.

Она раскрывает передо мной губы, охрененно нетерпеливая.

Я проникаю внутрь её влажного рта. Она втягивает щёки, обхватывая меня плотнее.

– Грёбанный ад, Дарлинг, – бормочу я.

Вейн крепче сжимает её волосы и использует их, чтобы водить её голову вверх и вниз по моему члену. Она для рав-

новесия кладёт руки ему на бёдра.

Вскоре Дарлинг уже задыхается, но я продолжаю двигать-ся. Она захлёбывается стоном, не переставая сосать, а затем скользит пальцами к своему клитору.

Вейн отпускает её волосы, но перехватывает оба запястья и заводит ей за спину.

Она очаровательно хмурится, продолжая двигать головой.
– Сейчас не твоя очередь, Дарлинг, – говорю я ей, когда напряжение достигает предела. – Ты можешь кончить только тогда, когда мы тебе скажем.

И это тоже случится скоро.

Я не могу больше сдерживаться.

И не хочу.

Мне сводит живот, член уже распирает, и это невыносимо. Я толкаюсь глубже и изливаюсь в горло Дарлинг с громким стоном.

Она пытается смотреть на меня, слёзы непроизвольно брызжут из-под век.

Ещё один рывок, и мой член пульсирует на её языке.

Моя тень бьётся под кожей в удовлетворённом изнеможении.

Выйдя изо рта Дарлинг, я беру её за подбородок.

– Дай я посмотрю, Дарлинг.

Она высовывает язык. Там только лёгкий блеск спермы. Остальное она проглотила.

– Хорошая девочка.

– Я своё дело знаю, – говорит она. По её лицу текут слёзы.
Я вытираю одну её щёку и опускаюсь на пол.

– А теперь и дальше будь хорошей девочкой и сядь мне на лицо.

Глава 6

Уинни

Вейн снимает меня с себя и поднимается на ноги, подталкивая меня к Питеру Пэну.

– На колени, Уин, – командует Вейн.

Я ставлю колени по обе стороны от головы Пэна и поневоле зажимаюсь, ощущая его под своим самым чувствительным местом.

Вейн встаёт передо мной. Он хочет, чтобы после спермы Пэна я попробовала на вкус его.

– Открой рот, Дарлинг, – говорит он, повторяя слова, сказанные им не так давно, когда он плюнул мне в рот и заявил, что больше я ничего от него не получу.

И посмотрите на нас сейчас.

Я покорно открываю рот и высовываю язык, и член Вейна скользит внутрь, наполняя меня.

Приспособиться к нему гораздо труднее, чем к Пэну, но я стараюсь изо всех сил.

Становится чуть легче, когда Пэн подо мной касается моей киски, посасывая, быстро работая языком и надавливая на середину.

Вейн трахает меня в рот, пока Пэн, в свою очередь, ртом ласкает мою киску.

Я так теку, что поразительно, как Король Неверленда не тонет.

Я издаю стон, не выпуская изо рта член Вейна, и тот отвечает мне низким грудным рычанием.

Пэн сосёт мой клитор, и я вся горю, меня словно пронзает электрический ток, я уже готова взорваться для них обоих.

– Что бы ты там ни делал, – говорит Вейн, – продолжай это делать. Эта хорошая малышка прямо мурлычет на моём члене.

Пэн обхватывает руками мои бёдра и притягивает меня ближе к своему лицу.

Новый стон, исходящий из моего горла, практически вибрирует по всей длине члена Вейна.

– Вот так, Уин, – он оттягивает мои волосы назад. – Не останавливайся.

Я обвожу языком его ствол, обхватываю рукой основание как раз в тот момент, когда Пэн снова нажимает на мой клитор.

Оргазм застаёт меня врасплох. В одно мгновение моя киска гудит от удовольствия, а следом на меня уже обрушивается волна.

Я дёргаюсь. Вейн толкается глубже.

Удовольствие пронзает меня, и я откликаюсь громким стоном, пока Вейн не погружается так глубоко, что я начинаю задыхаться. Я пытаюсь отстраниться, вдохнуть, но это он управляет процессом и не отступает.

Он трахает меня в рот ещё одним толчком, потом ещё – и наконец изливается мне в горло.

Я извиваюсь над Пэном, пока его рот занят моим клитором – оргазм такой мощный, что я чувствую, будто лечу.

Вейн останавливается. Резко вдыхает. Затем выплёскивает остатки семени мне на язык.

Пэн стискивает мои бёдра, заставляя меня сохранять неподвижность, пока он не выдоит из меня всё удовольствие до последней капли.

Грудь Вейна вздымается, а пресс напрягается, углубляя линии между твёрдыми кубиками мышц.

На его теле блестит плёнка пота, и это так охеренно горячо – видеть Тёмного таким, немного растрёпанным и вымотанным мной.

Не убирая руки из моих волос, он стаскивает меня с себя, затем мажет мои губы ещё одной капелькой спермы.

– Посмотри на меня, – приказывает он. Проводит большим пальцем по губам, размазывая сперму, затем вталкивает палец мне в рот. – Оближи.

Я так и делаю, и Вейн удовлетворённо выдыхает, чёрные глаза блестят.

– Наша лучшая шлюшка Дарлинг, – говорит Пэн, выкальзывая из-под меня. – Наполненная нашей спермой. – Он обхватывает меня рукой, его ладонь ложится чуть выше моего пупка. – Вот такой ты нам и нравишься.

Склонившись надо мной, он нежно целует изгиб моего

горла, и я не могу не рассмеяться от жёсткости и мягкости этих парней, от щекочущего ласкового дыхания Пэна на своей разгорячённой коже.

У меня в груди вспыхивает тепло, но не от того, что меня оттрахали так, как мне нравится.

Это нечто другое.

Нечто более глубокое.

Эти мужчины мои, а я – их, и...

В животе бурлит. Я зажимаю рукой рот.

– Уин? – Вейн озабоченно хмурит брови. – Что такое?

Пэн отстраняется и встаёт рядом с ним.

– Дарлинг?

– Я не... мне как-то слегка...

– Вот чёрт... – бормочет Вейн и сердито взглядывает на Пэна. – Мы переусердствовали. Я же говорил, что надо быть осторожными, и...

– Она в порядке, – возражает Пэн, – ей просто нужно поесть. Баш!

– Подождите, – прошу я. Чердак перед глазами слегка плывёт, и я тянусь вперёд, к ним.

Передо мной тут же появляется Вейн.

– У тебя что-то болит? – спрашивает он обеспокоенно.

Я собираюсь ответить «нет», ведь это просто тошнота, но тут мой лоб пронзает вспышка жуткой боли. Я с жалобным стоном падаю в объятия Вейна.

– Что-то не так, – рычит он.

– Да уж, сука, вижу, – огрызается Пэн.

– Просто... я... можно...

– Может, отнесём её на воздух? – предлагает Вейн.

– Похоже, я сейчас...

Всё становится размытым. Силуэты парней превращаются в зыбкие тени, а в голове у меня звучит странный звон, чего раньше никогда не случалось, и будто бы что-то шепчет в далёких тёмных закоулках моего разума:

Впусти меня.

Впусти меня.

А потом наступает темнота.

Глава 7

Питер Пэн

Дарлинг внезапно обмякает, и Вейн легко сгребает её в охапку, прижимая к груди.

Я слегка приподнимаю её лицо за подбородок и зову по имени, но Дарлинг не приходит в сознание.

– Что-то не так, – хрипло произносит Вейн. Оба глаза у него чёрные.

– Да я, мать твою, сам вижу.

– Где грёбаная Черри? Что-то случилось, пока мы были у Крюка.

– Отдай её мне.

Хмурый взгляд Вейна мрачнеет ещё больше.

– Отвали.

Он отворачивается от меня всем корпусом, удерживая Дарлинг как можно дальше.

– Кто это у нас теперь такой придурочный собственник? Совсем недавно это ты постоянно говорил ей отвалить.

– И что, моё мнение не может измениться? – сердито огрызается Вейн.

На чердак доносится смех близнецов – они вошли в дом через кухню. Обсуждают свою бабушку и её рецепт сиропа из морочных ягод.

– Парни! – зову я.

Они появляются на чердаке, видят нас троих – мы всё ещё голые.

Баш изумлённо разевает рот:

– Вы тут устроили трах-вечеринку, не дождавшись, пока мы вернёмся домой?

Кас подходит к Вейну с Дарлинг на руках, убирает с её глаз влажные волосы.

– Что с ней?

– Мы не знаем, – отвечает Вейн. – Она только что потеряла сознание.

– Отнеси её на диван, – распоряжается Кас.

Обычно мы не следуем приказам изгнанных принцев, но Кас хоть что-то смыслит в недомоганиях смертных – научился у своей бабушки.

Вейн относит Дарлинг к дивану и осторожно укладывает в углу. Кас подсовывает одну подушку под колени Дарлинг, а вторую подкладывает ей под ступни, приподнимая её ноги вверх.

И прислоняется ухом к её груди.

Я слышу её сердцебиение даже на расстоянии. Мерный стук.

И дышит она ровно.

На самом деле, всё, что я слышу, чувствую и вижу, говорит мне, что она в порядке.

– Она заболела? – спрашивает Баш, примостившись на

краю низкого столика в центре комнаты.

– В Неверленде не бывает болезней, – я приседаю рядом с Дарлинг на корточки и внимательно изучаю её лицо.

– Ну, Дарлинг вообще-то не из Неверленда, – справедливо отмечает Баш, отправляя в рот одну морочную ягоду из собранной горсти. – Может, нам надо вернуть её обратно в мир смертных?

Я усаживаюсь рядом с ним на стол и утаскиваю одну ягоду из его руки.

– Я не оставлю её без присмотра.

– Тогда что ты намерен делать?

Чем дольше она остаётся без сознания, тем хуже я себя чувствую. Я даже мог бы поверить, что мы затрахали её до обморока, нашу хрупкую крошку Дарлинг. Но она не просыпается.

Что, чёрт возьми, происходит?

По деревянному полу стучат когти – в комнату возвращается волк. На меня он смотрит, клянусь богом, неодобрительно.

– И ты тоже отвали, – говорю я ему.

Он отворачивается от меня и запрыгивает на диван, прижимаясь к боку Дарлинг.

– Пэн, – вкрадчиво произносит Вейн.

– Да, я знаю. – Я провожу пятернёй по волосам, обдумывая варианты. В груди поселяется новая тяжесть. Когда-то, прежде чем потерять тень, я мог изменить в Неверленде что

угодно. Я мог сотворять вещи из воздуха.

Но исцелить кого-либо? Это куда сложнее, нет никаких гарантий, и риск обычно не оправдывается.

У меня всё внутри скручивается, секунды тикают в голове, а Дарлинг никак не приходит в себя.

Я мог бы попытаться исцелить её, если бы знал, что, чёрт возьми, с ней не так. Но я ничего такого не чувствую, и в этом проблема.

На самом деле... от неё исходит какое-то странное безмолвие. Ещё до того как ко мне вернулась тень, я ощущал гул близости Дарлинг, тепло её присутствия.

Сейчас вместо этого полная тишина.

Я ненавижу испытывать отчаяние.

Ещё больше я ненавижу просить о помощи.

Но я не собираюсь просто сидеть на жопе ровно и надеяться на лучший исход.

Особенно в том, что касается Дарлинг.

Я поднимаю взгляд на Вейна.

– Иди за Сми. И поживее.

Он не спорит. Не сомневается. В считанные секунды натягивает одежду и исчезает за дверью.

Трудно не заметить, как у него колотится сердце.

Вейн психует не меньше моего.

Глава 8

Баш

Пока мы всё равно ждём возвращения Тёмного с пираткой, а Питер Пэн нервно меряет шагами чердак, я иду обратно на кухню – хотя хороший вопрос, состоится ли теперь наш завтрак дисфункциональной семейки.

Мой лучший способ отвлечься – чем-нибудь занять руки. Мне всегда нравилось возиться на кухне. Это вроде как единственное, что я унаследовал от матери, хотя ей-то это было не по душе.

Читая нам с Касом лекции о важности наших обязанностей, обо всём, что мы должны делать, будучи наследными принцами двора фейри, она постоянно напоминала нам о том, откуда она пришла, и о жертвах, на которые ей пришлось пойти, чтобы стать той, кто она есть.

И когда мать заставляла меня на кухне, где я помогал слугам с готовкой, отмеряя, наливая, перемешивая ингредиенты разных блюд для предстоящего ужина, то едва не лопалась от злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.